

На 21-м веке новой эры человеческого существования невозможно удивить кого-то небывалым поэтическим образом, рифмой, строкой, стихом. Казалось бы, само это занятие – поэтическое творчество – должно отмереть как анахронизм, тем более в век торжества информационных технологий. Но как ещё на заре прошлого века сказал поэт: «Поэзия – пресволочнейшая штукавина – существует – и ни в зуб ногой!».

К печати подготовлен сборник стихотворений новокузнецкого поэта Алексея Антонова, в который вошли как стихотворения из предыдущего сборника «Плачь, душа», так и новые стихи. На него и хочется отозваться в настоящей рецензии по целому ряду причин. Прежде всего потому, что лирическая поэзия – и шире, вообще культура – сегодня главный проводник духовности, не дающий распасться «связи времён».

Стихи Алексея Антонова буквально пронизаны чувством причастности к коренным традициям великой русской литературы. В них отчётливо слышится и тютчевское осознание органического единства всех явлений живой природы и человеческой души от вселенских масштабов до самых бытовых интимных проявлений, и ахматовская высота и чистота творческих помыслов, и убеждение в сложной диалектике взаимоотношений человека и природы, музыки и цвета, души и мысли, что мы находим у Николая Заболоцкого, и рыцарское отношение к женщине, и, наконец, глубокое внутренне прозрение Творца всего сущего.

Предваряя возможное суждение о творческих заимствованиях и подражании, хочу

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

только напомнить, что наследование и развитие традиций в литературе, не сводимое к этим самым заимствованиям, основывается более всего на близости нравственной и эстетической позиции последователя и предшественников, а уже она допускает единство и даже повторяемость тем, образов, художественных приёмов.

Совершенно очевидно, что основа творческого дара автора сборника – это поиск истоков духовности, что более всего и роднит его с великими предшественниками.

Очень импонирует образ лирического «я» поэта, который в сборнике не декларируется, не утверждается, а как бы просвечивает в ряде

стихотворных миниатюр. Внутренняя деликатность, доброта и терпение окрашивают стихотворение «Полутона, притушенные краски», завершающееся словами:

«Я – полусвет на грани пробужденья.
И вас найду, когда вам тяжело...».

Хорошо выражает душевный строй лирического героя миниатюра «Я не отвечаю недостойным».

На постоянную напряженную работу души указывает стихотворение «А что есть правда?».

«А что есть правда? Просто ложь,
Когда ты веришь, что не лжёшь.
Но не хочу собою лгать,
Преступно лобью измерять
Неизмеримость бытия.
Но как же быть? Не знаю я...»

И вызывают полное доверие строки стихотворения «Брату»:

«... ведь я умею слушать.
Не говорить, не направлять
А просто всматриваться в душу».

Пожалуй, основная «чувствуемая мысль» сборника – это глубокая убежденность в напряжённой экспрессии, конфликтности и в то же время в гармонической слитности бытия земного и личного.

Она пронизывает такие стихотворения, как «Порывистое, мощное дыхание земли коснулось», «Какая-то смутная жажда», «Солнце смыкает вежды», «На эскалаторе бесчисленных мгновений» и целый ряд других.

Человеческое сознание, потрясённое громадностью и неизмеримостью бытия, напряжённо ищет ответ на самые смутные, трудные, не решаемые вопросы жизни и реализует себя в этом поиске, приходит не к однозначным плоским ответам, а к осознанию какой-то высшей гармонии, высшего смысла в явлениях природы, душевных бурях, событиях и встречах.

Совершенно закономерным представляется в контексте этого сборника выход автора в стихотворениях, датированных 90-ми годами и годами нового столетия, к осознанию Творца и идее Бога. И выход этот представляется совершенно закономерным и выстраданным:

«Я не могу зажечь звезду,
Рассеять тьму и сердце вынуть.
Я не могу за детский смех
Без сожаленья мир покинуть.
Я не могу вернуть мечту,
Когда она уже сгорела.
Я не умею жизнь вдохнуть,
Когда душа покинет тело.
Я не могу... Но так хочу!

Сверши все это, Боже правый!
Сверши! Ведь я тебе ищущий.
И жду тебя у Переправы...».

Знаменательно, что для Алексея Антонова понятие «Бог» абсолютно неотрывно от его представления о мировой гармонии, о нерасторжимом единстве нравственного начала в человеке и какой-то высшей правды и красоты в природном бытии.

Отсюда обычный ход его поэтической мысли – установление духовной параллели между жизнью души и жизнью природы.

«Не рви цветы. Не прекращай звучанье
Небесных сфер. Десницею богов
Они нам посланы. Духовного исканья
Живой восторг в святилище миров.
Не собирай оторванные главы
В букет смертей казнящую рукой.
Люби живых! И, не желая славы,
Приди к Христу. И обрети покой...».

Бог, в его художественной системе, – это высший критерий нравственности, это воплощение Истины, которой взыскует всякая подлинно живая душа.

«..... Есть
Только два направленья дороги,
Только два направленья пути:
Или вниз, забывая о Боге,
Или вверх по ступеням идти».

Творческая манера автора примечательна ещё тем, что в сборнике, составленном из стихотворений с глубоким духовным потенциалом, отсутствуют стихотворения назидательные, проповеднические. В большинстве их – напряжённая работа мысли и чувства, художественный призыв к труду души читателя.

Многие, особенно посвященные любви, женщинам, друзьям, детям, трогательны своей жизненной полнотой, верностью чувства и опять же своим главным качеством – обнаружением внутренней связи между жизнью человеческой души и жизнью природы.

Такая, например, лирическая миниатюра:

«Подсолнухи пахнут
Солнечной свежестью.
Ещё, обязательно,
Утренней нежностью
И пахнут всегда,
Несмотря на погоду.
Взгляните на них
И забудьте невзгоды...».

Пристального внимания заслуживают и стихотворения, отражающие сущность поэтического творчества («Моё проклятье – слово»,

«Поэтам», «Суть»). В последнем из названных и выражен афористически чётко творческий принцип, которому стремится следовать автор: «...**суть рождает форму сути**».

Отталкиваясь от этой формулы, хочу в заключение своего обзора заметить, что преобладающий размер стихотворного сборника – ямб, наиболее плодотворный в русской лирике. Но он варьируется от 2–3-стопного до пятистопного в зависимости от глубины и полноты мысли; поэт не чуждается и трёхсложных размеров, если этого требует суть стиха.

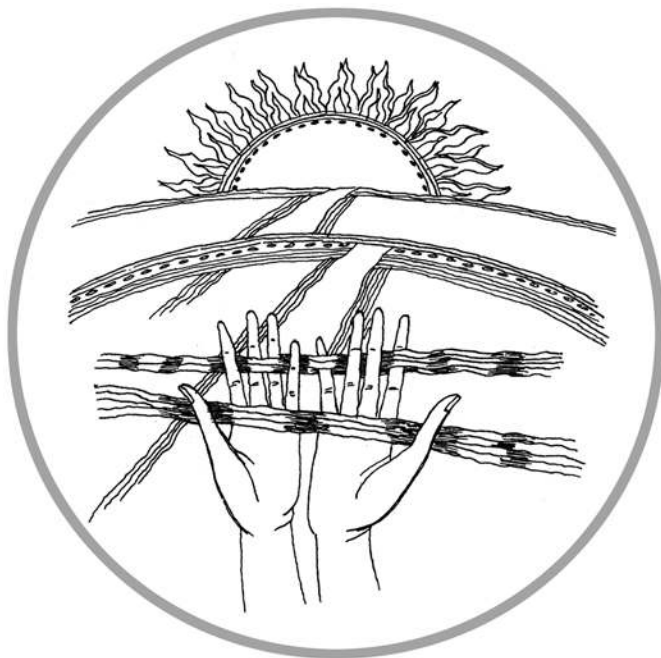
Сквозное для стихотворений А. Антонова чувство слитности и многообразия мира находит формальное выражение и в том, в частности, что синтаксическая форма его фраз в строке и строк в строфе очень свободна, текуча, естественна и позволяет выражать самые сложные душевные состояния просто и органично.

Считаю необходимым подчеркнуть, что автор сборника, без всякого сомнения, – талантливый поэт. Доминирующая черта его творчества – высокая нравственность, напряжённая работы мысли и чувства, духовный поиск, что даёт право поэту претендовать на своё место в нашей литературе – *«христианнейшей из литератур»* (Н. Бердяев).

Стихотворения написаны прекрасным русским языком, они абсолютно лишены всяких англицизмов, в которые так модно сегодня рвать всяческие ноу-хау, за которыми – пустота. Автор не допускает даже намёка на внешние проявления так называемой злободневности, обличительства, причастности к так называемым тусовкам, твёрдо соблюдая пушкинский завет: *«Служенье муз не терпит суеты...»*

А. С. Сазыкин,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры литературы КузГПА.

(2008 г.)

В книге Алексея Антонова рисунки к стихам выполнены новокузнецкой художницей Еленой Башариной.